

Глава 1

Северный Йоркшир, август 1762 года

Казалось бы, согрешить — дело нехитрое. Как говорится, вкусить запретный плод наслаждений...

Карета громыхала и раскачивалась. Розамунда Овертон сидела посреди салона, трусливо удирая домой вместе со своей нетронутой женской добродетелью.

После дорожной аварии, оставившей шрамы у нее на лице, она боялась садиться близко у окон кареты, но, как выяснилось, это было еще не все. Человек, прикованный к постели, утрачивает силу в ногах. Она же, прожив восемь лет в тиши и уединении Уэнслидейла, утратила способность знакомиться с мужчинами.

А что уж говорить о том, чтобы с ними грешить! Съездившись на сиденье, Розамунда разглядывала пейзаж за окном — такой же унылый, как ее настроение. Поросшие кустарником холмы с овечьими пастбищами, над ними — низкие хмурые тучи, что остались от недавней грозы, которая задержала ее в дороге, в розовато-серых сумерках уже просматривалась бледная луна.

Когда они с Дианой только затевали всю эту авантюру, она и не подозревала, как трудно лечь в постель с незнакомцем. К сожалению, ее законный супруг был не способен подарить ей ребенка, поэтому

в один прекрасный день она надела маску и влилась в безумство маскарада в Харрогите. Как и говорила Диана, нашлось немало охотников с ней согрешить, но, увы, они так и не добились желаемого.

Розамунда закрыла глаза. Это же проще простого!

В действительности, вместо того чтобы поощрить кого-либо из соблазнителей, она бегала от одного к другому, лихорадочно пытаясь найти такого, который пришелся бы ей по душе. О господи, ну кого она ожидала встретить?

Прекрасного принца?

Умопомрачительного ловеласа?

Благородного рыцаря?

Во время праздника она наконец поняла, что идеальные любовники существуют только в мечтах, ибо к тому времени ей уже бросились в глаза все недостатки реальных ухажеров: толстые животы, плохие зубы, масляные глазки, мокрые губы, грязные руки, кривые ноги...

Не помогло даже вино — бог знает сколько рюмок! — выпитое для храбрости. Как только забрезжил рассвет, она тайком от Дианы убежала в свою карету и приказала кучеру везти ее обратно в долину, в Венскоут.

Венскоут... Убежище, которого она недостойна, поскольку не пожелала его спасти. Если она не родит ребенка, это поместье когда-нибудь перейдет к Эдварду Овертону, племяннику ее мужа, который тут же передаст его в дар суровой религиозной секте. Ее муж — человек нездоровый, и отсутствие наследника лишь приближает его смерть, убивает доброго человека, который дал приют изувеченной шестнадцатилетней девушке. Доктор Уоллес говорит, что от волнения приступы головокружения у Дигби могут участиться.

Почему же она убежала? Ведь на первый взгляд все так просто!

4 Розамунда невольно представила себе идиллическую картину: счастливый Дигби с радостью на-

блюдает, как растет его наследник. Возможно, когда у него родится ребенок, он начнет беречь свое здоровье и даже станет выполнять предписания врачей — ограничит себя в еде и вине. Слезы умиления обожгли ей глаза. Однако что толку мечтать сложа руки? Грех и его последствия — вот единственное решение, а она не смогла себя заставить...

Девушка резко прервала бесплодные размышления и, опустив окно кареты, крикнула:

— Останови!

— Остановить, миледи? — переспросил кучер.

— Да, останови. Немедленно!

Карета тотчас замерла, слегка накренившись, и служанка Розамунды, храпевшая напротив, чуть не повалилась на госпожу всем своим грузным телом. Розамунда, впрочем, вовремя подхватила Милли.

— Что-то случилось, миледи? — спросил Гарфорт.

— Мне показалось, у дороги лежит человек. Пошли Тома, пусть посмотрит.

Карета качнулась, молодой конюх прыгнул с козел. Розамунда высунулась из окна.

— Чуть дальше, Том. Так, еще дальше. Вон у того куста!

— Черт возьми, так и есть. — Конюх соскользнул в кювет, нагнулся, а потом поднял голову: — Здесь какой-то мужчина, мистер Гарфорт!

Розамунда открыла дверцу кареты, подобрала свои широкие юбки и прыгнула на дорогу.

— Он мертв? — спросила она, подбегая к конюху.

— Скорее, мертвецки пьян, миледи. Странно, здесь, вдали от жилья...

Розамунда заглянула в болотистую канаву.

— Он простудится и умрет. Ты можешь достать его оттуда?

Том схватил своими огромными руками незнакомца под мышки и приподнял его. Конюх

в общем-то был парнем рослым, но даже ему пришлось попотеть, вытаскивая на дорогу пьяного, бесчувственного мужчину. Розамунда склонилась над своей нечаянной находкой, от которой разило сыростью и джином.

Поморщившись, девушка пощупала пульс на его холодном запястье. Жив, и то хорошо! Осмотрев мужчину, она не нашла на нем никаких ран или ссадин. Том прав: он мертвецки пьян, хоть отсюда до ближайшей гостиницы несколько миль.

— Что будем с ним делать, миледи? — спросил Том.

— Возьмем с собой, разумеется.

— Но как же так, никто ведь его не знает. Парень явно нездешний.

«А раз нездешний, значит, и черт с ним?» Розамунда посмотрела на Тома в упор.

— Неужели мы уподобимся священнику и левиту, которые прошли мимо несчастного израненного еврея, не подав ему руки помощи? Будем же добрыми самаритянами! Скажи Гарфорту, пусть подгонит карету сюда.

Покачав головой, конюх ушел. Судя по всему, несмотря на ее объяснения, ему не терпелось обсудить со слугой безумный поступок госпожи. Однако какое же это безумие? Она просто не может бросить здесь человека, пусть даже бандита и пьяницу. В этих северных краях даже летом холодные ночи, а он насквозь промок.

Кучер заставил лошадей двинуться назад, и карета со скрипом тронулась в обратном направлении. В свете меркнувшего дня Розамунда обдумывала ситуацию. Может быть, его, как и того человека по дороге в Иерихон, избили и бросили разбойники?

Едва ли. Синяки и кровь видны и в сумерках. Нет, это, без сомнения, обычный прожигатель жизни, перебравший спиртного.

6 Впрочем, отнюдь не нищий бродяга, несмотря

на вонь и щетинистый подбородок. Розамунда осторожно пощупала его одежду: добротный костюм, скромно отделанный галунами и роговыми пуговицами, строгий жилет и галстук без кружев.

Все выдавало в нем обыкновенного служащего, и это озадачивало. Опыт Розамунды подсказывал, что пьяницы выходят из самых низших и самых верхних слоев общества, но вовсе не из трудового среднего класса, который был знаком ей лучше всего.

На мужчине были сапоги для верховой езды. Что ж, возможно, он ехал на лошади пьяный и упал.

— Таинственный незнакомец, — пробормотала девушка и стала осторожно проверять его карманы.

Просовывая руку в карманы плотно облегающих брюк, она случайно дотронулась до вялых мужских органов и испытала крайнюю неловкость. Однако все эти манипуляции оказались напрасными: кроме обычного носового платка, в карманах ничего не нашлось. Либо его ограбили, либо он пропил все до последнего пенса.

Воспользовавшись носовым платком незнакомца, Розамунда осторожно стерла грязь с его лица. Наконец подъехала карета, и на мужчину упал мерцающий свет фонаря.

О боже!

Несмотря на щетину, царапины и небольшой синяк на скуле, этот парень, несомненно, пользовался успехом у женщин. Его лицо было не таким уж красивым, зато уж точно обаятельным, а правильные черты даже в бессознательном состоянии скрывали скорее улыбку, чем хмуро сдвинутые брови.

Почувствовав внезапный прилив нежности, Розамунда провела ладонью по его небритой щеке. Оставалось лишь надеяться, что впредь он будет благоразумнее. Ведь он запросто мог подхватить воспаление легких и умереть.

— Скорее, Гарфорт!

— И так тороплюсь, миледи.

Судя по всему, он, как и Том, недоволен ее милосердием. Неужели они оставили бы человека умирать в придорожной канаве?

Гарфорт остановил карету, связал вожжи и, ненадолго оставив лошадей, помог внести мужчину внутрь. Это было нелегко, учитывая шесть футов роста и крепкую фигуру незнакомца. От всей этой возни проснулась Милли, что само по себе было чудом, поморгала, издала несколько восклицаний, затем достала одеяла, которые держали в карете на случай холодов, и закутала в них незнакомца.

— Иначе он испортит сиденья, миледи, — пояснила Милли.

Розамунда позволила положить мужчину на свое место, потом села рядом и положила его голову себе на колени, чтобы он не свалился в пути. Тронув его шею, она охнула: он был таким холодным!

— Здесь есть поблизости какое-нибудь место, где можно найти помощь?

— Если не съезжать с дороги, то ближайшим населенным пунктом будет Аррадейл, миледи, — отозвался Гарфорт, — а оттуда всего пять миль до вашего дома.

— Поедем в Аррадейл. — Розамунда поплотнее укутала незнакомца в одеяла. — Даже час играет роль. Останови у вдовьего дома. Он ближе всего.

Вдовий дом принадлежал ее кузине Диане, графине Аррадейл, одной из тех редких женщин, которые имели титул пэра не по мужу. В этом доме они часто играли в детстве и до сих пор заглядывали туда, чтобы отдохнуть и день-два побыть детьми. Там всегда их ждали.

Гарфорт приложил руку к своей треуголке, и карета, скрипнув, тронулась. Можно было бы

ехать и побыстрее, но после аварии Розамунда уже не осмеливалась подгонять кучера — так же, как не в силах была заставить себя переспать с маскарадным гулякой. Что ж, она попробует согрешить позже, тем более что в следующий раз это не будет для нее таким потрясением. Впрочем, подобные страхи нельзя побороть одним лишь усилием воли.

Отбросив мысли о грехе, она сосредоточилась на настоящем и вновь дотронулась до ледяной шеи мужчины. Пульс еле прощупывался. От переохлаждения ведь можно и умереть!

— Что скажешь, Милли?

Горничная красноречиво скрестила руки на своей необъятной груди и заявила:

— Скажу, что он опасный бандит, миледи. По нему виселица плачет. Когда он очнется, вам лучше держаться от него подальше.

— А что, если он не очнется? Вдруг он умрет?

На самом деле Милли была доброй женщиной, просто ее раздражала непредвиденная задержка в пути. Уже ночь, а они застряли на дороге, вместо того чтобы отдыхать в какой-нибудь уютной гостинице. Подавшись вперед, служанка оглядела незнакомца.

— На мой взгляд, он вполне крепок и здоров. Выживет, если не подхватил воспаление легких.

Розамунда крепче прижала мужчину к себе. Даже если он последний негодяй, она его нашла и позаботится о нем.

Хоть что-то да может она сделать правильно!

* * *

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем карета свернула на дорожку, ведущую к дому. Розамунда осторожно переложила незнакомца со своих

колен на сиденье, а когда карета остановилась, спрыгнула на землю и, подбежав к двери, громко постучала. Света в окнах не было, но сторожа наверняка не спят.

Дверь открыла высокая и худая миссис Акентвейт. Подозрительно вглядываясь в темноту, она наконец воскликнула:

— Ба, леди Овертон!

— У меня в карете больной. Мистер Акентвейт не может перенести его в дом?

— На кухню, — отрывисто распорядилась экономка, — иначе он запачкает нам весь пол.

Том и коренастый мистер Акентвейт тотчас двинулись по коридору и оставили незнакомца в кухне, согретой большим очагом, а потом поспешили во двор, чтобы помочь Гарфурту с лошадьми.

— Оставайтесь на ночь, миледи, — решительно заявила миссис Акентвейт, — уже поздно.

— Дорогу от самого Харрогита развезло из-за дождя. Мы подобрали его по пути. Представляете, он лежал прямо на обочине! — В голосе Розамунды послышалось неприкрытое удивление. — Надо снять с него мокрую одежду.

— Разумеется, — согласилась женщина, закатывая рукава. — Пойдем, Милли.

Тучная Милли, до сих пор расслабленно сидевшая в кресле, теперь встрепелась.

— Отдыхай, Милли, — бросила Розамунда, — я помогу сама. — Миссис Акентвейт посмотрела на нее, осуждающе сдвинув брови, — то ли потому, что та баловала служанку, то ли потому, что собралась иметь дело с голым мужчиной, и Розамунда сочла нужным добавить:

— Я замужня женщина, миссис Акентвейт. — На самом деле за восемь лет супружеской жизни

10 Розамунда ни разу не видела мужского тела. —

И потом, разве у вас нет служанки? Ведь ваши дочери обзавелись семьями.

— Джесси ложится спать на закате, миледи. Я настаиваю на этом, потому что вставать ей приходится тоже вместе с солнцем. Мы и сами уже отходили ко сну. — Судя по всему, она намекала на то, что добропорядочные люди не шастают по дорогам после захода солнца.

Розамунда пропустила мимо ушей резкую отповедь экономки, ибо та в общем-то бранилась беззлобно, и сняла перчатки, шляпку и плащ. Потом после некоторого раздумья стянула с головы кружевной чепец с оборками, закрывавший ее щеки. Здесь не было посторонних, и все же она провела пальцем по своему самому большому шраму у правого глаза. Что, если незнакомец придет в сознание и увидит, как она склонилась над ним?

Слегка поежившись, она опустила на колени и помогла экономке развернуть одеяла. Миссис Акентвейт приподняла мужчину за плечи, а Розамунда стала стягивать с него мокрую одежду — сюртук, жилет, галстук и рубашку.

Она разгорячилась и запыхалась от усилий, а он по-прежнему лежал без движения. Вместе с миссис Акентвейт девушка энергично растерла его грубым полотенцем и обрадовалась, когда он задрожал. Зубы его выступили дикую дробь.

— Уже лучше, правда? — спросила она экономку.

— Да, и все-таки надо его как следует согреть. Я принесу сухие одеяла и кирпичи, обернутые в тряпку.

Едва женщины укутали его грудь, как он перестал стучать зубами. Розамунда тотчас взяла полотенце и высушила его каштановые волосы. Потом они продолжили раздевание.

Ужасно трудно было снять с него сапоги. Розамунда боялась, что они вывихнут или даже

сломают ему ноги, однако все обошлось. Теперь он лежал перед ними абсолютно нагой, и Розамунда невольно скосила глаза на его причинное место.

Мужское естество, которое всегда представлялось ей орудием пытки, сейчас пребывало в спокойном состоянии и не тревожило ее.

Девушка поспешно отвела глаза, надеясь, что миссис Акентвейт припишет ее румянец физическим усилиям, и принялась рьяно растирать мужчину, вернее, его ступни и икры. Созерцание его хорошо сложенной фигуры доставляло ей странное удовольствие. Она и не предполагала, что у мужчин бывает такое совершенное тело, хотя и не раз видела его художественное изображение.

Когда женщины перевернули потерпевшего, чтобы растереть спину, Розамунда подумала, что он вполне мог бы позировать для будущих картин в доме Аррадейл — просто у них дома таких картин не было. Дигби предпочитал лошадей, пейзажи и семейные портреты. По его заказу бродячий художник написал их вдвоем — разумеется, она села так, чтобы шрамы были не видны.

Укутав ноги незнакомца теплым одеялом, Розамунда вздохнула от былой обиды. А впрочем, что здесь такого? Парадный портрет и не должен отражать недостатки внешности. И все же ей почему-то хотелось видеть себя такой, какая она есть на самом деле.

Отгнав дурацкие мысли прочь, Розамунда помогла экономке повернуть мужчину на спину.

— Похоже, ему стало теплее, — заметила она.

— Да, но горячее питье все равно не помешает. — Миссис Акентвейт тотчас попыталась напоить пострадавшего чаем, но почти все пролилось мимо.

Розамунда между тем нервно переступила с ноги на ногу. Говорят, чтобы согреть замерзшего че-

ловека, надо лечь с ним рядом. Но как отреагирует миссис Акентвейт на подобное предложение?

Подавив улыбку, она откинула упавшие на лоб рыжевато-каштановые колечки волос. Чистое лицо незнакомца оказалось таким красивым, каким она его себе и представляла, несмотря на синяк и щетину. Нет, она не даст ему умереть! А если понадобится, разденется и ляжет к нему под одеяло.

Дотронувшись до его шеи, Розамунда отметила, что он явно согрелся и пульс его окреп.

Если Розамунда коснулась мужчины робко и осторожно, то экономка, напротив, не церемонилась: сунув под одеяло свою натруженную руку, она пощупала его грудь.

— Да, ему лучше, — объявила она вскоре. — Видимо, алкоголь уберег его от переохлаждения. А теперь, — сказала она, тяжело поднимаясь на ноги, — я принесу вам чай, миледи.

Розамунда тоже встала. По сельским меркам, было уже поздно. Милли так и вовсе давно храпела.

— Мы с Милли ляжем где обычно, но, мне кажется, его тоже нужно перенести в постель. — Она взяла чашку чая и взглянула на неподвижное тело у очага. — Как вы думаете, когда он очнется?

— Полагаю, он проспит всю ночь, миледи. Вы хотите положить его в спальне?

Розамунда вздрогнула, только сейчас догадавшись, что это противоречит правилам приличия — предоставлять бродяге такие удобства. Она снова взглянула на незнакомца. При всей его приятной наружности нельзя было понять, к каким слоям общества он принадлежит. Не исключено, что они выбрали отпетого мерзавца. Впрочем, ей почему-то в это не верилось. И дело не только в улыбчивом лице...

Внезапно ее осенило — руки! Они лежали под одеялом, но она успела разглядеть его холеные

руки, не привычные к тяжелому труду, с аккуратно постриженными и ухоженными ногтями. Конечно, он здорово перепачкался в канаве, но по всему видно, что прежде он был чист и опрятен, как любой приличный джентльмен.

— В спальне, — твердо повторила она. — Мы с Милли за ним приглядим. Я не хочу обременять вас лишней работой.

— Вы думаете, она вам поможет? — Миссис Акентвейт метнула презрительный взгляд на храпевшую горничную.

— Она просто устала. И замерзла, хоть и была закутана в шаль.

— Да, ее мама была точно такой же. Боюсь, толку от нее не будет.

— Должна же она у кого-то работать, а я не требую особого ухода.

Экономка пожала плечами.

— Оставьте его здесь, внизу, миледи. Перебьется и на полу. К тому же у огня тепло.

— Когда наверху есть кровати? Не слишком-то гостеприимно!

Настойчивость Розамунды могла показаться несколько странной, но она исходила из следующих соображений: несомненно, спасенный благородных кровей, и ему не место среди прислуги. И потом, он был ее находкой, и ей хотелось уложить его в спальне наверху, чтобы иметь возможность самой о нем заботиться.

— А может, он не привык к хорошей постели? — возразила женщина с йоркширским упрямством.

Розамунда, надо сказать, тоже была йоркширкой.

— Тогда она покажется ему еще приятнее, не так ли? Миссис Акентвейт покачала головой.

— Вы слишком мягкосердечны, Розы Эллингтон, — и слабо улыбнулась.

14 Экономка не случайно назвала госпожу детским

именем. Когда-то Розамунда и Диана носились на лошадях по округе, и зачастую их проказы кончались плачевно. Местные жители поднимали девчонок с земли, отряхивали от пыли, а в особо серьезных случаях отправляли домой — пусть понесут заслуженное наказание.

* * *

И вот теперь Дина и Роза снова угодили в переplet. Вот только Дина осталась в Харрогите, не желая иметь дело со своей трусливой кузиной.

Между тем пришли мужчины, и миссис Акентвейт подала им чай и холодный пирог. Розамунда поужинала вместе со всеми. Экономка тем временем сняла со стены длинную грелку.

— Пойду приготовлю постели.

— Я сама, миссис Акентвейт, — вскочила Розамунда. — Милли мне поможет.

Она потрясла спящую горничную.

— Я, кажется, задремала, миледи?

— Только на минутку. Помогите мне приготовить постели. У миссис Акентвейт своих дел хватает.

— Хорошо, милочка, — сказала горничная, потягиваясь, — сейчас согрею кирпичи.

И вот Милли потащила тяжелую грелку наверх. Розамунда шла следом. Они направились в главную спальню, где обычно останавливались Розамунда и Диана. Госпожа дала четкие распоряжения, но Милли передвигалась по комнате со скоростью улитки. В конце концов Розамунда не выдержала и взялась за дело сама.

— Сходите вниз, скажите Тому, чтобы принес сюда наши сумки, а я здесь достелю.

Милли кивнула и вразвалку вышла из спальни.

Розамунда поводила грелкой по своей постели, радуясь, что сейчас лето и не так сыро и хо-